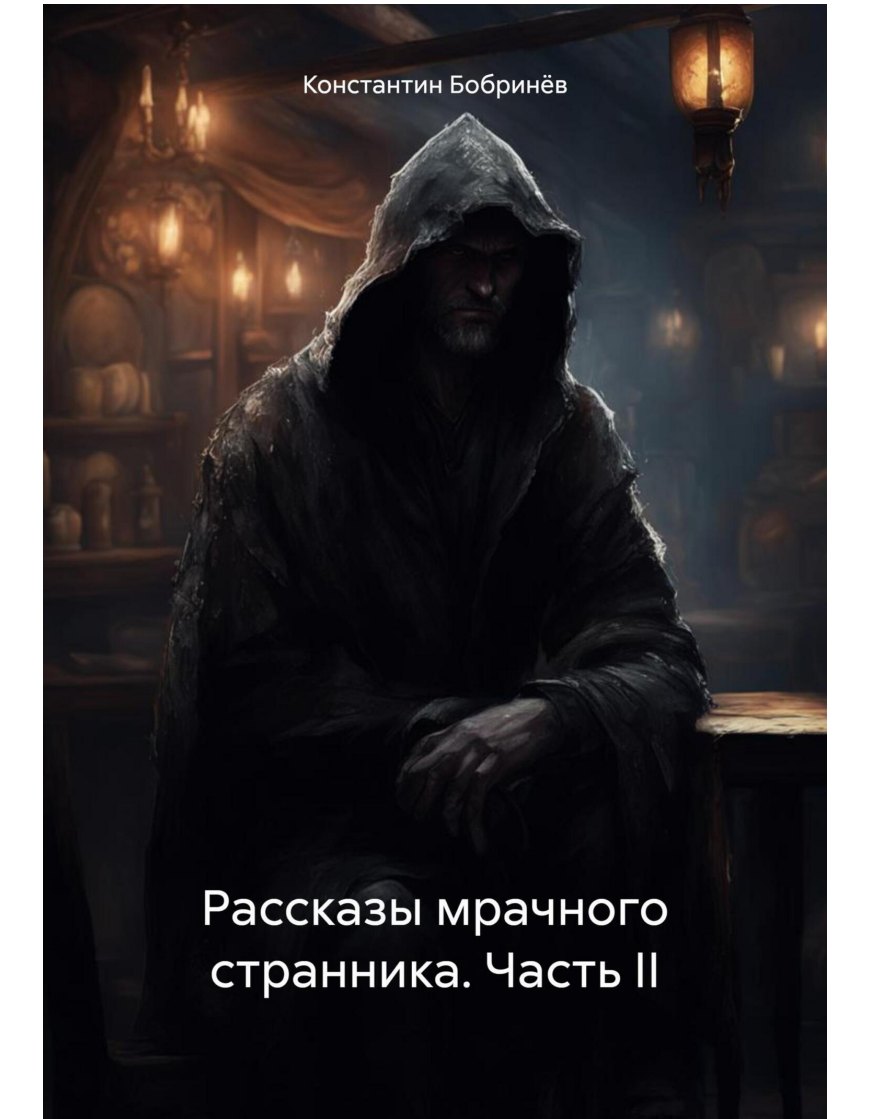

A dark, atmospheric illustration of a hooded figure, possibly a traveler or a stranger, sitting in a dimly lit room. The figure is wearing a dark, hooded cloak and has a serious expression. The background is filled with warm, glowing lights from lanterns and candles, creating a moody and mysterious atmosphere. The figure is seated at a wooden table, and the overall scene suggests a story of a wanderer in a dark, ancient setting.

Константин Бобринёв

Рассказы мрачного
странника. Часть II

Константин Станиславович Бобринёв

Рассказы мрачного странника. Часть II

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70070518
SelfPub; 2023*

Аннотация

Сборник из семнадцати рассказов намерен перенести Читателя в Лондон Викторианской эпохи, чтобы в другом повествовании отправить его в далекое будущее на загадочную планету извечного мрака и древних тайн. Под обложкой сокрыты несвязанные между собой сюжеты разных эпох, социальных слоев, настоящего и вымышленных миров. Переплелись судьбы жестоких правителей, кровавых убийц, храбрых солдат, обывателей и существ из иных мест, что губительны и ненавистны к человеческому роду.

Содержание

Заветный бастион	5
Губительная зависть	17
Откровение палача	33
Третий сын короля	38
Письмо пропавшей супруги	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Константин Бобринёв

Рассказы мрачного странника. Часть II

Уважаемый Читатель! Сборник рассказов, что Вы сейчас держите в руках либо лицезрете на своем экране, издан благодаря терпению и лояльности моей дражайшей супруги, вере в мое творчество родителей, близких, коллег, душевной поддержке и редактуре настоящего друга Торгованова Дмитрия Николаевича, ну и, конечно, труду и старанию Вашего покорного слуги.

Заветный бастион

– Жители Цитадели, внимайте моим словам, – молвил оратор с высокого балкона железобетонного замка. – Ровно через десять дней состоится десятая годовщина Атомного благословения!

– Иди ты на хрен с таким благословением! – выкрикнул некто из толпы, быстро отозвавшейся дружным гоготом.

– Кто это сказал?!

Люди притихли, но не выдали смельчака, а со стен снайперы начали выцеливать зазнавшуюся мишень.

– Итак, прошло почти десять лет, с тех пор как мы с вами установили взаимовыгоднейший симбиоз, ставший основой нашего прекрасного и стойкого общества благополучия!

– Не мы, а вы установили порядок, у нас не было выбора! – снова распалился храбрец. – Благополучие?! Да вы скармливаете народу объедки со стола в обмен на наш труд, на те технологические ништяки, что здесь вынуждены добывать в развалинах, рискуя собственной шкурой!

– Да как ты смеешь! Мы делимся с вами из чистого гуманизма. Мало?! Значит, нужно больше работать, бездельники!

– Кто бы говорил! Пока внизу пашут как проклятые, наверху обжираются, словно свиньи!

Гром выстрела прервал тираду бунтовщика. В толпе со-

бравшихся, давно привыкших к смерти, пронеслись возгласы проклятий, угрозы, скупой и редкий плач.

– Заткнитесь! Все, живо! Иначе не видать вам сегодня кормежки!

Повисла тишина.

– То-то же. Царящий порядок нерушим! Помните, он обеспечивает хрупкий баланс, а значит, выживаемость всего общества! Вы забыли рассвет людоедства, как поначалу жрали друг друга?! Сейчас нам удалось свести подобные случаи к минимуму, и только при крайней необходимости! Атом дал шанс отринуть культ потребления, и хочу подчеркнуть – всем нам! Поверьте, наверху также несут лишения, но, как бы ни не хотелось отдельным идеалистам, верхи всегда жили лучше низов, примите данный факт как награду за тяжкий груз принятия решений! Почаще вспоминайте, как было и как стало!

Иногда лучше не ворошить память, так говорят некоторые, но тогда мы рискуем стать невеждами, повторяющими одни и те же ошибки. Необходимо учиться на своем и чужом опыте, пусть это бывает и тяжело.

Когда обезумевшие от власти правители нажали кнопку, весь мир объяло пламя. Выжившие – те, кто чудом спасся, – съедаемые радиацией, потянулись по пепельно-серой пустыне, на многие лета лишенной солнечного света, в единственный доступный на всю округу бункер – бетонную крепость, построенную группой богачей на месте бывшей тюрьмы.

мы. Однако им никто не открыл ворота. И в тот момент, когда под стенами скопилось не менее тысячи человек, обреченные пошли на приступ. Первый голодный штурм отбили напалмом, сократив численность «посада» на четверть. Истощенные крики умирающих и раненых заполнили ту кошмарную ночь, чтобы снова и снова всплывать в отныне вечно беспокойных снах уцелевших. Выдержки почти ни у кого не хватило, да и стойкие вскоре присоединились к порочному пиру: инстинкт взял свое. Кого-то тошнило, но вопреки отвращению, он тут же возвращался к трапезе. Лишь крохотная часть, не вынеся зримого падения человечества, молча ушли во тьму, сошли с ума или решили оборвать жалкие попытки приспособиться к новой реальности. Большинство же впервые за долгое время до отказа набили желудки горелым мясом. Отсутствие холодильников и соли ограничило, казалось бы, весомый запас провизии на неделю, и то исключительно благодаря тому, что августовской ночью температура падала до минусовых отметок. Затем начались отравления и снова голод, к тому же колодец, ставший местной Меккой, практически вычерпали до дна. Добровольцы, обследовавшие округу на сотни километров, подтверждали бесконечную мертвую землю, пораженную огнем и радиацией, либо не возвращались вовсе. Отчаяние наполняло людские сердца, пока не вылилось во Второй голодный штурм. Подготовленные лестницы, удачно найденный схрон с оружием, самопальные коктейли Молотова – все оказалось тщетным перед

длинными пулеметными очередями и автоматическими гранатометами. Численность низа сократилась еще на треть, а скорая гангрена и воспаления добились до половины. Появилась еда, но без воды не было никакого смысла оставаться. Однако вскоре со стен, ко всеобщему удивлению, спустилась платформа с полной бочкой блаженной влаги. На следующий день перед нами впервые выступил Мистер Чарльз, бывший миллиардер и нынешний властитель жизней как минимум двухсот человек, что ежедневно ждут подачи с высокого замка. Он заявил, что рассмотрит вопрос о нашем пропитании, посоветовавшись с соратниками, а пока велел «заниматься чем-нибудь полезным». Появилась надежда, лидеры, выдвинутые из самого народа, начали воссоздавать порядок, чтобы отныне никто не мог просто так напасть на другого, своровать или изнасиловать, ибо безопасность – базовая потребность человека, сродни воде и пище. Легок ли был данный путь? Отнюдь, его, как всегда, устилала кровь. Сперва разбили местные банды, затем разогнали притоны, насильно державшие женщин, заставляя их отдаваться за лишний кусок мяса; организовали регулярные команды по поиску провианта и прочего. Затем старый, наполовину исписанный блокнот стал вместилищем первых законов новой эпохи:

- «1. Убийство члена общины карается смертью. Туша подлежит распределению между всеми общинниками.
2. Воровство карается ампутацией одной конечности, которая отходит потерпевшему.

3. При нанесении вреда здоровью общинника, будь то избиение или изнасилование, ущерб возмещается пищей соразмерно урону, в том числе плотью виновника при неимении альтернативы.

4. Умышленное действие во вред общине карается смертью. Туша используется согласно пункту № 1.

5. Переговоры или иные сношения с Замком без ведома Совета караются смертью. Туша используется согласно пункту № 1.

Все вышеперечисленные правила распространяются исключительно на членов общины, любые посторонние, будь то случайные гости или путники, при отсутствии поручителя не подлежат защите, а значит, каждый волен поступать по своему усмотрению».

Жестокие, но необходимые условия выживания, учитывая, что, даже утвердив относительный порядок, население низа постоянно сокращалось. В ослабленных голодом, радиацией и авитаминозом организмах свирепствовали болезни, а регулярный стресс и губительные осадки только отягчали ситуацию. Началась эпидемия, и спустя три недели после первой бочки с водой осталось в живых всего двести человек. Естественно, наверху никто и не подумал о помощи. В страшное время сердца людей верховодят страшные поступки, и мало кто из заболевших смог умереть своей смертью: слишком мало пищи приносили неопытные поисковые отряды. Мы старались не смотреть друг другу в глаза, ибо

больше своего стыда боялись увидеть лик зверя.

Совет попытался договориться с Мистером Чарльзом, предложив ему полный ящик драгоценностей, золото, бриллианты, – раньше все это стоило целое состояние. В ответ он рассмеялся, сравнив их со стеклянными бусами для дикарей.

– Глупцы! Дуралеи! Идиоты! Они имеют такую же ценность, как ваши никчемные жизни! Если вы не сможете меня удивить в ближайшее время, я не стану тратить впустую свою воду.

И тогда нам помог случай. В Замке произошел перебой с электричеством: максимум в течение минуты там продолжалось светопреставление – лампы то горели, то гасли с секундной интенсивностью, а потом, так же внезапно, все нормализовалось. Наутро высокородный мерзавец, не скрывая раздражения, бросил нам две буханки хлеба, за которые, наплевав на все запреты, мы тут же начали драку.

– Если за двое суток найдете десять компьютеров, получите куда больше!

И мы нашли – в подвалах разрушенных торговых центров, в школах, в опустевших деревнях, где рыскали в поисках отравленных плодов и консервов, словно стервятники, обгладывая кости погибшего мира. Так началось наше взаимодействие с Цитаделью – поломка некоего агрегата сделала нас полезными, и с тех пор мы стали дешевой рабочей силой для господ, выполняя в том числе самые изощренные прихоти вроде поиска записи фильма, которого «по недосмотру

какого-то кретина» не оказалось на сервере. Мы его так и не нашли и поэтому несколько ночей засыпали с пустым желудком, пока не возникла новая потребность. С техникой все проще: она и есть наш главный источник заработка в виде реальных объедков со стола господ и сомнительных питательных батончиков, чей состав покрыт для менее благородных потребителей абсолютной тайной, а расхожие домыслы не сулят ничего хорошего. Иногда, когда нам не удастся отыскать необходимое, общине приходится тянуть жребий, жертвуя чьей-то жизнью ради других.

– Проклятье! Я велел ему держать язык за зубами. – Анатолий Сергеевич, пожалуй самый авторитетный лидер Совета, негодовал. – Сейчас крайне важно не давать им повода для усиления бдительности, а он начал кричать на всю «площадь»!

– Думаю, сказалось перенапряжение от тяжелой работы плюс волнение перед...

– Тсс, даже не вздумай произносить вслух. Всем сейчас тяжело, но он должен быть готов в срок, другого шанса может и не быть. Долгие годы мы всеми, казалось, невероятными путями искали архитектора и его план. Столько сил, столько хороших людей... У нас нет права на ошибку.

В праздничный день спустя несколько лет молчания к низам вышел сам Мистер Чарльз, постаревший, осунувшийся, явно и неотвратно проигрывавший некой болезни. В его жестах, мимике читалось волнение, пока в толпе проносились удивленные возгласы. Далеко не сразу, видимо собираясь с мыслями, властитель начал речь:

— Жители низа... братья и сестры... в этот знаменательный день я хочу сказать вам, что ошибался всю свою проклятую жизнь.

Изумление с новой силой разошлось по собравшимся, и в этот раз к ним присоединились верхи, застигнутые врасплох неожиданным поворотом.

— Еще до войны я гнал за счастьем, ища его в деньгах, во власти, во всевозможных наслаждениях, — тщетно. Только недавно, когда болезнь наступила тяжелой пятой на горло, я понял, что тогда, давно, оно было совсем рядом — в мире с самим собой, в общении с близкими, в созерцании самых простых вещей, вроде заката, деревенского пейзажа или воспитания своих детей, — на которые мы обыденно не обращали внимания, идя на поводу бешеного темпа жизни и амбиций. Счастье крылось в созидании — не перепродаже дерьма, а в настоящем творении. В добрых поступках, что долгое время спасали наш мир от катастрофы, пока мы все не ударились в

благополучие индивида. И наконец, в личностном развитии, дабы не прозябать в невежестве и эгоизме, а стать достойным человеком и работать на общее благо. С болью в груди я созерцаю ваши обожженные лица на фоне пепельной пустыни. Нужда уничтожила добродетели прошлого, оставив после себя лишь главный инстинкт – выжить... Я прошу у всех прощения и в то же время наставляю вас, если после всего содеянного имею на это право: оставайтесь людьми, не просто, а с большой буквы. Иногда лучше выбрать смерть, чем пасть... Понимая всю сложность нынешней ситуации... Мой долг помочь вам, и мною принято радикальное решение... – Пока Мистер Чарльз от переизбытка чувств, словно рыба, выброшенная на берег, жадно глотал воздух, некто из свиты сигнализировал жестами о срочной необходимости прервать выступление – и сразу же к запнувшемуся старому вождю подскочила охрана, настойчиво оттаскивая его с трибуны балкона. – Что?! Я еще не закончил! Как вы смеее?!

– Так, полагаю, власть сменилась.

– Вот так новость, самого Чарльза скинули.

– Ублюдки, стоило ему стать нормальным мужиком, его тут же убрали.

– Надеюсь, засранца отправят вниз, во будет потеха.

– Ага, сразу знаю, кто ближайший месяц будет чистить толчок.

Гораздо тише, узкому кругу лиц:

– Данная оказия ничего не меняет, план в силе.

Громкая музыка в замке, свидетельствовавшая о разгаре праздника Атомного благословения, или, как его зовут в Цитадели для «правильных» лиц, Дня Спасения, заглушала тяжелые удары бура о стену нижнего яруса некогда неприступного убежища.

Пятнадцать заговорщиков, вооруженных штурмовыми винтовками и ножами, через скрытно вырытый туннель пробрались, словно мыши, в самую дальнюю комнату всего защитного комплекса, служившую захламленным складом ненужных вещей. Пока небожители прожигали последние минуты своей жизни, а расслабленная, потерявшая бдительность после долгих лет бездействия стража, захмелев, дремала на своих постах, непрошенные гости, бесшумно орудуя ножами, проходили вверх уровень за уровнем, стремясь попасть на главное действие в большой зал, дабы покарать несправедливость, отраженную в каждом из зажавшейся верхушки. И пока они шли, увидели много интересного: склады, забитые провизией, подземные теплицы и сады, животноводческие фермы, комбикормовый цех, где изготавливались «знаменитые» питательные батончики и плесневелый хлеб, который подлежал утилизации, но не раздаче среди нуждающихся, ибо им проще уничтожить, чем отдать бесплатно.

Двери распахнулись. Пораженные вздохи знати, адреналин, воздух наполняется страхом, тишина уже ни к чему, грохот выстрелов, крики, звук бьющейся посуды и кровь, повсюду кровь, команда неистовой ярости: «Пленных не брать!»...

Мистера Чарльза нашли в своей комнате. Рука палача не потребовалась, он сам вынес и исполнил приговор: тяжелый револьвер, еще теплый, лежал рядом с бездыханным телом.

– Что тебя тревожит? Ты сам не свой. – Анатолий Сергеевич в этот раз не стал игнорировать чрезмерную задумчивость своего подопечного.

– У меня не выходит из головы тот заплесневелый хлеб. Я бы еще понял, если бы его скормили свиньям, но уничтожать пищу, когда мы внизу были вынуждены жрать друг друга... Мне этого не понять.

– Боюсь, здесь я тоже бессилен. Возможно, они просто перестали быть способны на поступки, исключаящие их личную выгоду, кто знает...

Бывший «посад» обосновался в Замке. Шли годы, уходило старое поколение, человеческий век стал гораздо короче, вокруг Цитадели вновь стали собираться люди, и постепенно низы не заметили, как превратились в верхи, став копией господ, которых сами когда-то презирали и ненавидели.

Автор этих строк, осознав случившееся, в одну из прохладных летних ночей – но на добрый десяток градусов теплее, чем в те тяжелые времена, – не проронив ни слова, скрылся за горизонтом бескрайних мертвых полей, где робко начинала просыпаться жизнь, и только ветер был его единственным спутником.

Губительная зависть

Я с детства был рукастым парнем, с любым видом техники, как говорится, на ты. Однако мои мечты получить высшее образование и стать дипломированным инженером разрушились о стену реальности, которая требовала с ранних лет зарабатывать на кусок хлеба да на собственную крышу над головой, – привет, ипотечное рабство. И все же, дав себе зарок не унывать, я трудился и еще раз трудился, повышая свои знания и навыки, пока наконец не устроился в крупную фирму по продаже бронированных дверей и сейфов. В мои задачи как раз входила техническая часть, а именно установка массивных конструкций да калибровка электронных замков. Одному здесь не справиться, нужен хороший напарник, и им оказался по чистой случайности мой одноклассник, выходец из черного гетто, некогда знаменитый раздолбай, которого только чудом родители довели до приличного состояния. Тем не менее дела шли в гору, стал неплохо зарабатывать, появилась машина, девушки, получалось досрочно гасить проклятый кредит. Положительные отзывы о качестве выполненных работ запустили сарафанное радио, сработавшее в нашу пользу, – появились выгодные подработки. Все шло прекрасно до тех пор, пока не освободилось место начальника отдела, которого не пощадил ранний инсульт. Среди всех бригад, без лишней скромности скажу, моя

была лучшая, если не по всем, так по большинству показателей. Мною снова овладели грезы, что в какой-то степени детская мечта наконец свершится, ведь место было буквально у меня в кармане.

Известие о назначении моего напарника застигло меня в дороге на очередную «шабашку». Как же так?! Почему?! Он же бездарность! Если бы не я, его бы уже давно выгнали в шею! Точно снова вмешалась родня невежды! Сто процентов, они опять проплатили сынку будущее! Как они вообще умудрились выбиться в люди? Не удивлюсь, если их семейка распространяла «дерьмо» по школе.

Вскоре гнев сменился разбитостью, апатией – вновь провал. Внутри меня затаилась злоба, методично разлагавшая душу и вызывавшая сумасбродные мысли, которыми лучше не делиться.

Я припарковал свой проржавевший «хендай» у новенького отделения банка, где за сегодняшний вечер мне и бывшему мерзавцу-напарнику предстояло установить цифровой замок в пока пустующем хранилище. Интересно, к чему новый офис в таком неблагополучном районе, неужто больше деньги некуда вложить? Работы часа на три-четыре, нужно будет сказать охраннику, чтобы присмотрел за машиной, а то мало ли. «Форда» Мейсона не видно, опаздывает, начальник хренов.

Пожилой сторож закрыл за мной дверь из пуленепробиваемого стекла. В помещении еще стоял запах ремонта, в

особенности новой качественной деревянной мебели, вот только белые стены не очень гармонировали с плиткой цвета мрамора, создавая ощущение какой-то больницы. Старик сопровождал меня до самого хранилища, попутно решив, что мне интересно послушать о «славных былых деньках».

– Мейсон, ты уже здесь! Я не увидел твою машину.

– Привет, Боб, я решил добраться на такси, все-таки беспокойный район, не хочу рисковать.

– Во-во, юноша дело говорит, зря вы, мистер, на своих колесах приехали.

– Надеюсь на вашу бдительность, – и для перестраховки засунул пятерку в карман форменной рубашки служащего.

– Спасибо, позабочусь, как о своей. – Осчастливленный охранник бережно положил банкноту в тоненький бумажник и продолжил наставление: – Итак, слушайте, парни. Здесь не будет никого, кроме меня, еще с неделю, так что можете ходить сюда хоть каждый день, вы меня никак не тревожите. Ключи от входа я вам доверить не могу, уж простите, но запишите мой мобильный, вдруг отойду поссать или пожрать, в общем, мало ли. Ну как-то так, вроде все.

– Не переживай, отец, долго мы не задержимся, правда, босс? – Я не мог не задеть гада.

– Боб, вижу, ты рад за меня, спасибо. – Сарказм отчетливо читался в голосе Мейсона. – Благодарю, мы все поняли.

– Ого, так сразу начал руководить, может, дашь мне еще порулить чутка?

– Хватит, приказ еще не вышел, да и мы не на основной работе, так что здесь ты главный, можешь не волноваться. Только прошу тебя, давай возьмемся за дело, не хочу проторчать здесь до полуночи.

Я старался не разговаривать, максимально углубившись работу, но мысли все равно уходили в русло несправедливого назначения, обида желчью разливалась по каждой фибре души, и, когда установка замка перешла в завершающую стадию, весь скопившийся негатив яростным потоком вырвался наружу.

– Признайся, Мейсон, тебе помогли в назначении.

Напарник смахнул рукавом пот со лба и продолжил как ни в чем не бывало возиться с кодом.

– Нет, Боб, я и сам, признаться, сильно удивился, – ответил он ровным голосом, что еще больше выбесило меня.

– Да ладно заливать, так и скажи, что связи, или бабок кому кинули твои предки.

– Давай сменим тему, какой смысл препираться, когда ты сам выдумал причину и в нее же свято поверил.

Выскачка еще и умничает!

– Я придумал?! Парень, каким-то чудом выбравшийся из гетто, который еле закончил школу, кое-как устроился на нормальную работу, и тут бац – поприветствуйте нового на-

чальника отдела! Чудес не бывает!

– Боб, люди меняются, правда не все, вот ты явный пример обратного. Никогда не задавал себе вопрос: почему я столько лет терплю все твои выходки, тупые шутки, не менее глупые истории из серой жизни одинокого неудачника?

Я открыл рот от удивления: он никогда не говорил со мной таким тоном.

– Потому что, Боб, ты абсолютная посредственность, был и будешь ею, и на твоём фоне мои положительные качества видны особенно ярко, ибо товарищ мой способен только гайки крутить да паять, где скажут. Вот и сейчас я без твоей помощи без проблем перепрошил матрицу и установил более сложный код. Вуаля!

Массивная автоматическая дверь медленно закрылась, оставив нас наедине в тесном пустом помещении под светом люминесцентных ламп. Я не знаю, как так получилось, разум буквально заволокло туманом, и рука, сжимавшая тяжелый гаечный ключ, сама опустилась на голову товарища. Что-то хрустнуло, я ошеломленно, не желая принять содеянное, попытался назад, пока не уперся в стену. А тем временем синяя спецовка Мейсона приобретала красный оттенок, обильно насыщаясь кровью несчастного.

– Стоп, стоп, я не хотел! Какой ужас!

Что делать, вызвать скорую, перевязать рану? Да... Нет. Вдруг я убил его или сделал навек инвалидом? Мне тогда придется всю оставшуюся жизнь оплачивать его лечение, по-

ка засранец будет ходить под себя, или сесть в тюрьму, причем надолго. Ни первое, ни второе в мои планы не входит. С другой стороны, что если работяга после трудного рабочего дня решил по своей глупости прогуляться по небезопасному району и был ограблен? Кто там будет разбираться в мелочах, когда причина смерти очевидна? Погружу в машину и выкину его в укромном темном месте. Ах, какая трагедия! К тому же в связи с внезапной кончиной освободится вакантное место... Интересная мысль. Терзания объяли мой разум:

– Как же поступить?

– Я должен сделать все правильно!

– Да? А когда это кому помогало, разве он добился повышения, делая все по совести? Нет. И еще раз нет. Почему же я должен страдать от чужого бесчестья?

Я молча наблюдал, как жизнь покидала парня, едва достигшего тридцати лет. Совесть грызла меня, словно пес, вцепившийся в кость. Однако иногда ради достижения счастья приходится пострадать другому. Что ж, такова жизнь. По крайней мере, я не хотел подобного исхода. Трагический несчастный случай, в какой-то мере он сам виноват.

Прошло немного времени, и грудная клетка Мейсона перестала вздыматься. Вот и все, свершилось. Осталось пронести тело незаметно мимо деда и убрать за собой, только как это сделать? Может, отправить его за водой на ближайшую заправку? Тогда у меня в запасе будет минут сорок, должно хватить. Но что делать с камерами? По-любому они уже ра-

ботають. Уничтожить записи? Не выйдет, размещены на сервере далеко отсюда. Так, у них есть мертвые зоны, если делать все аккуратно, должно получиться. Или нет? Хрень какая-то. Ладно, сначала избавлюсь от сторожа, а дальше буду действовать по обстоятельствам. И тут меня осенило: дверь закрыта, а код, какой код? Мною овладела паника, я хаотично начал проверять каждый карман покойника, выпотрошил всю сумку, но не нашел ни намека на заветные цифры. Затем попробовал подобрать пароль из всех ранее использованных, следом комбинации его имени, фамилии, даты рождения – безрезультатно. Моя ярость вновь обрушилась на коллегу. Ругаясь на чем свет стоит, я принялся пинать бездыханное тело, до тех пор пока не поскользнулся на луже крови и сам не распластался на полу, стоная от боли и безысходности.

Успокоившись, старательно обогащая легкие воздухом, заставил себя снова собраться с мыслями. Если этот неуч поставил защиту, я смогу ее взломать, к тому же все инструменты у меня на руках. Осушив бутылку воды, я принялся за дело.

Когда стрелки часов показали три часа ночи, я заплакал: шифр не поддавался. В слезах, с трясущимися руками, мне стоило сделать одно неловкое движение, вызвавшее короткое замыкание и автоматическую блокировку всей системы,

в мгновение перечеркнув все прошлые и будущие попытки взлома. Теперь дверь можно было открыть только с помощью специального ключа, который находится в офисе. Я обречен. От сильнейшего стресса и усталости закружилась голова, оставшихся сил хватило только на то, чтобы сесть на пятую точку, прежде чем разум провалился в пустоту.

Примерно в двадцать три ноль ноль пожилой охранник банка пошел проверить, как у мастеров обстоят дела, но уткнулся в закрытую дверь. Поразмыслив с минутку, он предположил, что «наверное, так надо», и, махнув рукой, отправился на заправку с твердым желанием купить клетку банок «будвайзера» и скоротать вечер под любимое телешоу, а затем, часа в два, если гости наконец-таки закончат, сладко прилечь с чувством заработка легких денег. Однако в планы старика вмешался сверток крови в просвете кровеносного сосуда, а проще тромб, внезапно оборвавший жизнь на полпути к заветной цели.

Через час после гибели седовласого сторожа, упокой Господь его душу, компания хмельных подростков, увидев одиноко стоящий «хендай», причем явно не местный, восприняла находку как шанс отлично провести время. Недолгая возня, отсутствие свидетелей – и они уже мчатся на угнанной тачке навстречу приключениям.

Наутро ее со следами крови нашли разбитой на выезде из города. Владельца автомобиля и его коллегу записали в пропавшие без вести, однако полицейские быстро прикинули, что, скорее всего, имеют дело с беспределом одуревших от наркотиков и выпивки бойцов местной банды.

Во время всех этих кровавых событий заказчик работ, один из высокопоставленных региональных менеджеров банка, отдыхал на Канарах со своей любовницей, а семья Мейсона переживала из-за долгого отсутствия отца и мужа. Особенно супругу напрягало, что муж так и не удосужился сказать, куда именно едет пополнять семейный бюджет. Таким образом, единственный человек, который знал о местоположении пропавших, ближайшую неделю находился далеко от места чудовищных по своей сути событий.

Очнувшись лежа на боку, я долго пялился в белую оштукатуренную стену, боясь повернуться, в глупой надежде, что мне все почудилось во время обморока и Мейсон вот-вот обеспокоенно подбежит к своему напарнику. Но нет. Более того, я чувствовал отвратительный запах крови, к которому вскоре присоединятся миазмы разложения.

Стиснув зубы, переборов страх, я обернулся. Бывший товарищ, облокотившись на стену, смотрел на меня пустыми глазами и как будто ухмылялся. Душа ушла в пятки. Я за-

крыл глаза, встряхнул головой, побил себя по щекам – сделал все, чтобы согнать ужасный морок. Помогло. Физиономия умершего ничего не выражала. Бренное тело, пустая искалеченная оболочка, волосы спутались в сгустках засохшей крови... Под глазом синевой растеклась гематома и, если бы хватило жидкости, закрыла бы собой око, только та вышла через лишнее отверстие в черепе. Хочется пить. Свою бутылку осушил еще вчера, надеюсь, у него найдется, – и действительно рядом с рюкзаком обнаружил на треть пустую полулитровку.

– Спасибо, напарник. – Я жестом поблагодарил мертвеца и сделал несколько глубоких глотков.

Повозившись еще чуть с замком и окончательно убедившись в отсутствии шансов, я полностью принял единственный выход из своего положения – звонить сторожу. Пусть вызывает подмогу, а дальше – привет, тюрьма, крах мечтаний, и все из-за самодовольного, лживого кретина.

– Как же, посредственность... Теперь-то уж поздно извиняться, дрянь.

С тяжелым сердцем я достал из внутреннего кармана смартфон, который, к моему негодованию, в нынешних условиях превратился в бесполезную игрушку: обе антенны на экране показывали отсутствие связи. Тем не менее я попытался сделать спасительный вызов, – из разных углов на все возможные номера – полный провал, сигналу не пробиться.

– Черт! Дерьмо! Проклятье! Эй, сторож, как тебя там! По-

можете!

Я стал стучать по массивной двери сначала кулаками, затем гаечным ключом – бесполезно, меня никто не слышал.

Жадно допив всю оставшуюся воду и съев единственную пачку соленого арахиса, я провел остаток дня, пытаюсь взломать заблокированный замок и барабана всеми подвернувшимися под руку предметами, пока в бессилии не рухнул на пол и тут же не отрубился. Терзаемый ночными кошмарами, проснулся под утро, благо часы в телефоне позволяли ориентироваться во времени. Напротив все в той же позе сидел Мейсон, только теперь, о ужас, он действительно улыбался, презрительно демонстрируя свои некогда белые зубы. По спине пробежали мурашки, а руки автоматически попытались нащупать любое орудие защиты. Схватив молоток, я быстро вскочил на ноги.

– Ты же сдох! Нет, нет, нет! Это мне все кажется! Успокойся, дыши глубже, вот так.

Но труп по-прежнему продолжал скалиться. Аккуратно, занеся для удара инструмент, я приблизился к покойнику. Тот, как ни странно, никак не отреагировал. Решившись, я слегка потряс разлагающееся тело ногой. Он не вскочил, не бросился на меня, а все так же недвижно лежал на месте.

– Да что со мной? Мышцы свело, или кожа стянулась. Мертвые не оживают, уж по крайней мере не простые бостонские рабочие.

Придя в себя, я отчетливо ощутил желание отлить, и тут

впервые подумал о полном отсутствии запасов еды и воды и о возможности провести здесь не одни сутки. Прикинув, на всякий случай сходил в бутылку.

Третий день прошел так же, как и второй: я безуспешно звал подмогу, ковырялся в замке, попробовал найти слабые места в стенах, сбил штукатурку, но бетон крайне неохотно поддавался грубым ударом молотка. Эх, было бы хотя бы зубило, про бур вообще молчу. Все сильнее сказывались жажда и голод, я слабел, тем не менее за день я на пару сантиметров смог углубиться в стену. Помощь так и не пришла. Почему до сих пор никого нет? Где гребаный охранник? Какая-то хрень. Однако копы наверняка уже спохватились о пропаже, если не меня, то Мейсона, который уже начал серьезно подванивать. Завтра обязательно меня найдут, есть вещи похуже, чем тюрьма, а сейчас нужно сохранить силы.

Очнулся от сильнейшей головной боли и тошноты. В комнате стоял тяжелый смрад разложения и отходов моей жизнедеятельности, лампочка мигала под стать ситуации. Меня тут же вырвало, еле успел добежать до угла. Внезапно свет погас, и меня обуял животный страх, я попытался нащупать телефон, но его нигде не было. Опустившись на четвереньки, я начал рыскать по полу, стараясь на ощупь обнаружить пропажу, и тут услышал шорох. Замер, напряженно вслушива-

ясь в темноту; если б было чем, то прямо сейчас обмочился, ибо мало чего страшнее – быть запертым с гниющим мертвецом в одной комнате без света. Фух, показалось. Я прополз еще – и на этот раз глухой удар об пол. Не снаружи, источник звука здесь, прямо со мной, внутри.

– Боб, наконец ты принял свою истинную сущность, рыща на четвереньках, словно зверь, а точнее, грязная свинья, нанеся подлый удар в спину.

– Н-н-невозможно... Не может быть...

Мой истошный крик оборвался с потерей сознания, которое единственно возможным способом оградило разум от безумия.

Открыл глаза. Во рту пустыня, сил нет, всего мутит и кружит. Свет горит, обезображенный напарник на прежнем месте. Сосредоточился, вспомнил последнее – всего лишь страшный сон. Смартфон валялся рядом с лужей экскрементов, я подполз, опасаясь пока встать на ноги. Разрядился. В другом углу я оставил бутылку с мочой. Новый марафон. Добрался, заткнув нос и закрыв глаза, стараясь не думать о содержимом, жадно осушил бутылку до капли.

– Отличненько, ты пал еще ниже, чем я мог представить.

Тара выпала из рук, ужас, подкрепленный адреналиновым бонусом, придал мне сил, я схватил тот злополучный гаеч-

ный ключ и вскочил на ноги.

– Попытаешься убить меня второй раз? Ну-ну, только вот с мертвецом такой фокус не пройдет, повторно не умирают.

– Мне это все мерещится, снится, Боб, давай очнись уже, – вымолвил я дрожащим голосом и больно ущипнул себя свободной рукой.

Однако покойник категорически отказался замолкать.

– Помощь не придет, ты обречен последние свои дни провести в моей чудесной компании, как тебе поворот?

– Умолкни, заткнись, замолчи!

– Нет и еще раз нет. Ты больной ублюдок, погубил меня из-за сраного повышения, из-за того, что я просто был лучше.

– Неправда!

– Что? Ты до сих пор веришь в свои бредни, даже спасовав перед моей кодировкой? Хотя, если бы ты действовал по системе Брегана, твое мероприятие могло завершиться успехом. Но о чем я говорю, ты даже не знаешь, кто это. Тупица.

Я знал, кто такой Бреган, только не смог додуматься. Он прав. Осознание истинности его слов окончательно сломило меня, я зарыдал.

– Прости, та должность была для меня заветным окном в светлое будущее, о котором так мечтал.

– Каким же мелочным человечешкой ты оказался! Светлое будущее в качестве первичного руководителя не самой большой фирмы, которая до сих пор не может выйти за пре-

дела Массачусетса, – м-да, предел желаний.

– Да что ты знаешь, я рос один, добивался всего сам, когда тебе все подали на блюдечке родители!

– Болван, который верит своим иллюзиям. Они мне не помогли. Когда я еле окончил школу, мне заявили, что отныне обеспечиваю себя сам, и выперли из дома, оплатив всего месяц съемной квартирki, провонявшей кошачьей мочой. И в отличие от тебя, я нашел еще время получить образование, пока ты проводил досуг в пьянках и онлайн-играх, это, к слову, про добиться успеха упорным трудом.

– Прости меня, прошу.

– Ха! Очень смешно. Неужели действительно рассчитываешь, что банальное извинение спасет тебя? Ты отнял у меня самый драгоценный дар – жизнь, так что не жди легких путей. Ад для тебя начнется прямо здесь и сейчас, а пока выключим свет.

Офисный клерк, страдая от похмелья после короткого, но насыщенного отпуска, на следующий день после прилета на родину отправился осмотреть свой офис, которому через неделю предстояло принимать первых посетителей. Он уже успел пожалеть об экономии на охране, ведь дверь ему не открыли и старый лентяй отказывался отвечать на звонки, благо молодой начальник прихватил с собой дубликат ключей.

Положительно оценив ремонт, он не смог попасть в хранилище, и оба мобильных молчали. Ситуация повторялась. Обладая хорошей интуицией, Джейки, как называла его жена, почувствовал что-то неладное. Придется звонить в их офис, а там, быть может, и в полицию...

– Офицер Томсон! Лейтенант! Чарли, черт бы тебя побрал!

– Давай быстрее, Фернандес, спешу.

– Я тут слышал, ты был на вызове в новом отделении банка, правда, что люди говорят?

– Твою мать! Голди, блин, я же просил ее молчать! Да, убил сначала товарища, а потом, через несколько дней, оказавшись запертым наедине со своей жертвой, забил сам себя молотком.

Откровение палача

Мрачным, как всегда дождливым лондонским утром Джек спешной походкой шел на прием к старому судье. Нельзя сказать, что они являлись друзьями, слишком велико было их сословное различие. Хотя более уместно сказать – коллег разделяла социальная пропасть. Лорд Уильям Ноллис – потомственный дворянин, уважаемый вершитель закона города на Темзе, и Джек, фамилия которого так же безлика, как и вечно бурлящее серое море столичных рабочих, нищих да окрестных батраков. Однако обоих объединяло общее дело – приговор. Ноллис выносил его, а Джек исполнял на протяжении долгих двадцати лет. Так что, вопреки чудовищной разнице в статусе, они знали друг друга; более того, лорд относился к своему подопечному со своеобразным уважением, ведь не раз и не два его кошелек наполнялся монетами, когда речь заходила о карающей руке, – Джек мог за один удар лишить головы преступника, а значит, свести к минимуму смертные муки. Поверьте, не каждый палач настолько хорошо владеет навыком, а ранний проситель овладел ремеслом в совершенстве.

Порыв холодного ветра, насыщенного каплями влаги, заставил прохожего поглубже зарыться в ворот плаща и отпустить пару проклятий в сторону ненастья. Но Джек любил дождь: он прибивал вонь, смывал с улиц грязь и нечистоты,

то и дело норовившие обрушиться на зазевавшегося жителя с любого окна. В одном из пьяных разговоров, будучи вдохновленным горячительным напитком, палач сравнил свой труд с дождем: якобы сродни ему он также очищает Сити от человеческого мусора. А пока его терзала тревога, люди, как всегда, не замечая чужой беды, бежали по своим делам. Лавочник выкладывал на прилавок утренний улов, из трубы пирожковой уже всюду валил дым, у какой-то благородной дамы очередным порывом унесло шляпу, и лакей, стремглав понесшийся за ней, задел плечом худосочного студентика, усадив того в лужу. Жизнь продолжалась, а Джека съедало горестное сомнение.

Дверной молоток в виде головы льва на дубовых воротах судьи грозно смотрел на гостя, иной раз заставляя того переждать о своем визите. Однако у Джека не было выбора, иначе он рисковал потерять возлюбленную. Стук в дверь прозвучал для него ударом колокола, тяжелая воротина приоткрылась, и на пороге предстал чопорный дворецкий в дорогом костюме, надменным взглядом презрительно оценивая пришедшего.

– Если пришли за милостыней, то...

– Нет, я Джек... Мне назначено, – несколько растерявшись, ответил проситель.

– А, это вы. Прошу прощения, входите, только разуйтесь... Хотя не стоит, так будет еще хуже.

Скромный слуга закона, большую часть жизни обитавший

в небольшой комнате в здании суда, служившей ему и рабочим местом, от изумления раскрыл рот. Множество свечей в роскошных люстрах и канделябрах освещали не менее богатую мебель, атласные ткани, мягкие узорчатые ковры и прекрасные картины. Сам лорд ожидал в уютном кресле, спасаясь от уличной промозглости напротив горящего камина, смакуя чашку чая и вкусно дымящую курительную трубку.

– Здравствуй, палач. Признаться, я удивлен твоему прощению о встрече, что же послужило столь несуразной мысли в твоей голове?

– Здравствуйте, Ваша честь. – Джек стоял напротив, ибо ему никто не предложил сесть. – Простите меня и, прошу, не гневайтесь. Ничего не могу с собой поделаться, больное сердце тоскует и тревожится по девушке.

– Вот так не думал! Невеста палача! Становится все интереснее, продолжай.

– Завтра Вы будете рассматривать дело.

– Стой, не могу поверить, та самая девка твоя суженая?!

Человек, прекрасно рубящий головы, кротко кивнул своей.

– И что же ты от меня хочешь?

– Сэр, я никогда не сомневался в справедливости Ваших решений, но моя дурная голова не дает мне покоя, Вы же знаете, ее оклеветали.

– Серьезное заявление, надеюсь, ты больше никому не говорил так?

– Нет, но я...

– Молчи и слушай. Ее обвинили в краже и ложном доносе на благородного человека, она украла фамильный перстень, а после заявила об изнасиловании. Тягчайшее преступление.

– Это все ложь! Все в трактире видели, как он проиграл кольцо в карты, а потом как поднимался по лестнице за Аннет, что работает там официанткой, и как она с криком бежала вниз без одежды, обнажая срам.

Старик призадумался, будто его настигла ностальгия по чему-то очень далекому.

– Френк, неси виски и два бокала.

Дворецкий вышел из соседней комнаты, даже не попытавшись скрыть своего удивления.

– Сэр, я не ослышался?

– Кончай придуриваться, ты никогда не страдал глухотой.

– Слушаюсь.

Вскоре он принес два хрустальных бокала, на четверть наполненных благородным алкоголем отменной выдержки.

– Твое здоровье.

Опробовав зелье, палач понял, что до этого он вкушал лишь пойло.

– Джек, я искренне хотел бы тебе помочь, но, пойми, жизнь устроена куда сложнее, чем ты думаешь. Тот мерзавец – отпрыск лорда Кембелла, да, того самого. Если я ее оправдаю, придется осудить его, а это обернется полной катастрофой – меня лишат всего, а девушку все равно убьют в

какой-нибудь подворотне. Мои руки связаны, прости, здесь я ничем тебе не помогу.

– Умоляю Вас, сэр. – Палач встал на колени.

– Полно тебе. Аннет, Джейни, Бетти – таких, как она, тысячи на улицах столицы, забудь ее, найди себе другую.

– Она одна такая.

– Я все сказал, ступай.

– Шокирующие новости! – Мальчишка в шляпе не по размеру горланил на весь переулок, надеясь до обеда раздать всю кипу. – Шокирующие новости, сэр, возьмите газету. Палач, вчера приведший в исполнение приговор, выпил яду, покончил с собой.

– Взаправду ли? Давай сюда.

Третий сын короля

В одном далеком царстве, где ночи были короткими, а дни долгими, произошла одна история, которая, быть может, послужит нам уроком, а может, и нет, кто знает...

Агвилон процветал под властью короля Эннея III. Его поля золотились пшеницей, города росли и богатели, торговые корабли бороздили все известные свету моря, а армии расширяли границы. Трех сыновей родила ему красавица-жена королева Вестиния. Старший сын был высок, хорош собой, храбр и статен, истинный наследник. Его взял на воспитание сам король, с ранних лет облачив в латы, желая вырастить великого полководца и волевого правителя. Средний сын вышел худ и скромн, но компенсировал недостатки умом и талантом в искусствах. Видя в нем неограниченный алмаз, королева взялась за опеку над сыном, открыв пред ним двери науки, поэзии и живописи. Третий сын родился в славный праздник Благоденствия и, казалось, был наделен всеми достоинствами своих братьев, но родители уже не могли уделить ему должного внимания, тратя время на государственные дела и взятых под личную опеку отроков, поэтому его воспитанием занялась бабушка, не чаявшая души в любимом внуке. Однако самые хорошие, на первый взгляд, поступки могут привести к дурным результатам.

Шли годы, дети выросли, вступив во взрослую жизнь со

своими заботами, радостями и печальями. Король гордился своим чадом и благословил старшего на первый военный поход, из которого тот вернулся лежа на щите. Королева сумела воспитать ученого мужа и замечательного художника, который, к удивлению всего двора, отказался от прав на трон и ушел в монастырь, чтобы посвятить всю свою жизнь трактатам и росписи величественного собора Святого Стефана. Третий сын стал жертвой слепой любви бабушки, которая благо не узрела окончательного падения младшего отпрыска Эннея. За свои детские годы он не познал слова «нет», напротив, вседозволенность, излишества, чрезмерная опека загубили в нем хорошие ростки, оставив на древе жизни лишь уродливые коряги – эгоизм, невежество, беспочвенную гордыню и беспредельное чревоугодие. Уничтоженный горем отец собрал всю свою оставшуюся волю в кулак и, обнажив меч, пошел к своему единственному наследнику наверх в высокую башню, ибо знал: новый правитель загубит все непосильные труды прошлых поколений. Однако, увидев родные черты, старик не смог... Дрожащая рука опустила клинок, а разбитое сердце не выдержало последнего испытания и, не желая больше страдать, остановилось.

Пышные похороны навек упокоили Эннея III, вскоре, не видя более себя среди живых, рядом легла и матушка. Вся страна скорбела, только не юный принц. Он снова жаждал, ему нужна была корона, но на его пути встал давний друг короля и по совместительству Предстоятель Главенствующей

Церкви – Ренул, что получил в народе прозвище Строгий. Как ни парадоксально, но его сложно было назвать праведным человеком, скорее он представлял собой государственника, сторонника сильной центральной власти, чем первое духовное лицо, и тем не менее он прекрасно справлялся со всеми своими обязанностями. Почему же он воспротивился закону престолонаследия? Ренул знал о посмертной воле короля и был согласен с ним в ужасных последствиях воцарения младшего из династии. Предстоятель отложил церемонию, сославшись на нарушение процедуры отречения среднего сына, и отправился в собор Святого Стефана уговаривать безумца передумать. И ему это почти удалось – если бы в среде дворянства не нашлись те, кто не нуждался в сильном лидере, наоборот, они желали большей самостоятельности для набивания своих и так полных золотом карманов. Среда бела дня верные войска окружили знаменитый храм и сожгли вместе со всеми его обитателями, за раз устранив на пути к власти обе помехи.

Народ был шокирован, но оскорбленный, обиженный, будто дитя, принц пошел дальше. В тот же день водрузив корону, он велел разогнать предавшую его, как считал глупец, Церковь, отвергнуть старого Бога, «жестокоего и требовательного к своей пастве», и принять в своей душе Номону, что «благоволит желаниям смертных». Встав на пьедестал, гордо запрокинув голову, он вещал: «Почему мы должны себя ограничивать? Все мы твари земные, и, если нам дан

голод, значит, имеем право насытиться, если воздержимся, то позволено отдаться страсти, если боги даровали нам вино, значит, не грех утолить им жажду! Нужно принять, а не отвергать свою природу! Мы такие, какие есть, со всеми своими недостатками, возлюбите их!» Речи нового короля ядом растеклись по людским душам, немало мирян отвергли веру и прильнули к новому идолу, однако большая часть не желала видеть на троне братоубийцу, еретика и глупца, началась гражданская война.

Опершись на личные войска заговорщиков и отряды наемников, обеспеченных богатой казной своего отца, новый правитель приказал утопить восстание в крови. И пока на полях сражений гибли люди, он упивался и обжирался, не покидая пределов столицы. О его гареме шли легенды, и не самые приятные. Девушки, девочки, мальчики, даже экзотические животные – тиран хотел перепробовать все. Столы на пирах ломились от яств и выпивки, наливали даже сторожевым псам. Люди обжирались и упивались, тут же сношались друг с другом, или насиловали прислужниц, набранных из крестьянских дочерей. Но и этого было мало. Огромные деньги ушли в разоренной войной стране на строительство бойцовской арены, где каждую неделю устраивали зрелищные бои между плененными противниками. Если же таковые отсутствовали, набирали заключенных или просто хватали людей на улицах. Деспот, ведомый своей больной фантазией, узаконил инцест, скотоложство, развращение детей, объ-

яснив поступок достижением свободы личности. Этим безумец не ограничился, следующим шагом он сделал неподсудным все лояльное себе дворянство, открыв настежь ворота садизма. Отныне охота на людей стала любимым развлечением «благородных» мужей и их спутниц. Те, кто был против, жестоко преследовались обновленной инквизицией. Виселицы и металлические клетки заполнили половину страны, пирамиды отрубленных голов маяками народного горя раскинулись на перекрестках, кормя бродячих собак и ворон, а дым ритуальных сожжений закрывал собой солнце. Рука об руку с войной пришли чума и голод. Даже самые несмышленные советники осознали, что нужен мир, иначе некому будет праздновать победу. Они взмолились королю о переговорах и уже вечером в один ряд болтались на главной площади столицы. Недостойный, отойдя от гнева, нехотя все же признал правоту покойников и разрешил проблему, пообещав половину земель непокорных соседнему правителю в обмен на военную помощь. Обретя нового союзника, оставших разбили; те, кто мог, бежали, оставшихся увели в рабство или предали мечу.

Наступил сомнительный мир. Некогда великой державе предстояло тяжелым трудом восстановить утраченное, только вот вместе с падением нравов пришли лень и безразличие к общему делу. Знать выжимала последние соки из крестьянства, а то, утратив какие-либо ориентиры, топило свою незавидную долю в кабаках, что усеяли разбитое отечество

как грибы после дождя. А король, возомнивший себя победителем, в это же время разжирел до таких размеров, что потерял способность к передвижению. Шесть крепких парней таскали его тушу, обремененную единственным переживанием. Скука томила его, уже ничто не могло возбудить в нем прежнюю страсть, все стало пресно. Но недолго длились его терзания. Погибло ничтожество в шелках подобающим образом, подавившись косточкой. Ему никто не стал оказывать помощь, да даже если б и хотели, вряд ли пробились бы через нагромождения плоти. В итоге придворные просто стояли и смотрели, как погибал самый жалкий правитель из всех, что носила на себе земля.

На похороны по статусу не осталось денег, так опустела казна, и шеф-повар, отобранный лично почившим, ловко вышел из ситуации, объявив помин в день смерти. Присутствовавшие на нем отмечали необычайно сочное и жирное мясо со странной «изюминкой» во вкусе.

Вскоре началась новая междоусобица, окончившаяся нашествием южных кочевников, что навсегда смело с карты мира государство «полной свободы», населенное рабами своих желаний.

Письмо пропавшей супруги

– Товарищ следователь, я прошу вас возобновить поиски Ирины.

Старший лейтенант Долчанов, уставший после суточного наряда, уныло посмотрел на просителя, уверенный в бесперспективности затеи. Два года назад в Алтайских горах, а точнее в районе Коргонского хребта, без вести пропала молодая женщина, супруга человека, что сейчас бессмысленно тревожит полицейского.

– Арсений Дмитриевич, понимаете, от нее нет известий уже два года. Лучшие поисковые команды тогда прочесали все окрестные хребты, в каждый уголок страны разослали ориентировку. Как бы вам ни было тяжело, пора смириться с потерей и продолжать жить дальше.

– Прекратите свои нравоучения! – Вдовец вскипел, более не в силах сдерживать возбуждение. – Простите. Я не безумец, смотрите, вот что я получил полтора часа назад.

И дрожащими руками он протянул письмо.

«Дорогой мой Сеня, любимый муж, я пишу тебе эти строки, слабо надеясь, что ты когда-либо прочтешь их, но мне

больше ничего не остается, ты мой последний шанс выбраться отсюда. Все мое повествование покажется тебе странным, будто мой разум болен и увиденное является плодом галлюцинаций покалеченного сознания. Прошу, отбрось стереотипы! В мире еще осталось нечто выходящее за рамки привычного понимания, и, к несчастью, я познала на своей шкуре данный, некогда казавшийся абсурдным, факт.

Коргонский хребет прекрасен. Покрытые хвойными лесами горы, разбавленные плодоносными кустарниками и одинокими псеками, прохладные речки, просторные луга, а какой здесь потрясающий воздух! Но за всем великолепием таится смерть. Ты знаешь мою нелюбовь к туристическим маршрутам. Не считая четвероногого спутника, я всегда была одиночкой, не страшась трудностей и опасностей. Вот и тогда мой путь завел меня слишком глубоко в горы к заброшенному руднику, не отмеченному ни на каких картах. Во мне заиграл интерес, азарт неизведанного, и я пошла дальше. Помню, меня на мгновение смутила странная тишина, казалось, остановилось время: ни дуновения ветра, ни стрекота жучка, ни пения птицы. Бим поджал хвост, чуя невидимую человеческому взору опасность. Однако, не найдя ничего угрожающего, по своему легкомыслию, я отбросила сиюминутное сомнение и вскоре натолкнулась на еле заметную тропинку. Каково же было мое удивление: люди, здесь, в такой глуши?! «Вперед, навстречу приключениям!» – с энтузиазмом молвила я, не ведая, что творю. Около часа, а может

и больше, память штука ненадежная, ноги вели меня сквозь необычайно густой лес по крутым подъемам и хлипким мостам над обрывами, пока я не вышла к одинокому поселку, которого, клянусь, не видела даже на спутниковых снимках, не думаю, что и ты на этом поприще добьешься успеха. Заметив сельчанку, спешащую по своим делам с ведрами воды, я, как и прежде в подобной ситуации, с улыбкой на лице пошла знакомиться, надеясь за кружкой чая послушать местные легенды. Ее звали Наташа, упокой Господь ее душу, заведя меня, она выронила тару и начала причитать о моей незавидной доле и о том, что мне немедленно нужно встретиться со старостой. Я опешила от подобного приема, и, наверное, впервые за тот день по-настоящему испугалась, сочтя, что вступила на землю какой-то секты безумцев, а тем временем вокруг меня стали собираться люди с самыми разными вопросами. Смутно помню, что отвечала, прикидывая возможные пути отступления, до тех пор пока меня крепко не схватили за руку и не потянули к большому железобетонному зданию с внушительными металлическими воротами. Меня охватил ужас; преданный Бим, отчаянно лая, кружил вокруг, пытаясь помочь хозяйке. Я попыталась вырваться – безуспешно, пальцы сжали мое плечо только сильнее, тогда пнула казавшегося недруга и уже была готова прорваться в образовавшуюся брешь, как вдруг впервые услышала трубный глас, от неожиданности сбивший мой порыв. Окружившие меня люди на секунду также оцепенели, и уже в их ли-

цах читался страх. Больше со мной не церемонились и, обхватив со всех сторон, занесли внутрь. Собака, едва успев, прошмыгнула следом, прямо перед тем как тяжелые ставни захлопнулись под натиском двух коренастых мужчин, тут же накинувших засов в виде отрезка железнодорожного рельса, добытого в одной из шахт. Вопя что есть мочи, я проклинала, угрожала, молила вплоть до того, пока не услышала могучие удары в дверь и подобие рыка, который сложно передать словами... Он есть средоточие чистой ярости и вечного голода. Я поминала всех святых в надежде, что старые петли выдержат, и не я одна — все жители стояли на коленях у единственной иконы, моля о защите. Сложно сказать, сколько длилась первая для меня атака, думаю, как всегда, не более получаса. Зверь, как тогда, так и впоследствии, видя бесполезность своих попыток, заглянет в каждую пустующую хату, вынюхивая задержавшихся в поле, и с добычей или без нее уходит обратно в чащу.

Староста налил мне стакан самогона и как мог растолковал безнадежность ситуации. Войти в Угодья можно, а вот выйти уже никак, и, как ты, наверное, уже догадался, не люди здесь охотники. Поверила ли я ему сразу? Конечно нет. Переночевав, на следующее утро мы с Бимом попытались прорваться. Осторожно пробираясь сквозь лес, прислушиваясь к каждому шороху, медленно и, как мне казалось, верно я удалялась от поселка, пока не вышла к нему с другой стороны. Глава поселения, глядя на меня, махнул рукой и посове-

товал прислушаться к голосу разума. «Зная, что в доме живет чудовище, разве мы бы не покинули его? Многие про-
бовали, если бы ты была повнимательнее, то обнаружила бы
их останки. Бесполезно. Не знаю, в чем причина, но, уходя
в одну сторону, всегда возвращаешься с противоположной.
Дьявольский круг». Только ты же знаешь – я упертая. И меня
хватило до четвертой попытки, когда, заблудившись, я бро-
дила по одним и тем же местам, пока вновь не почувство-
вала, как природа замирает. Пес тревожно уставился в одну
точку, мое сердце ушло в пятки, а мысли лихорадочно ис-
кали верный путь. И тут я услышала треск ломающихся ве-
ток. Не нужно было видеть, чтобы понять: монстр впереди.
В тот момент меня спас Бим. «Мальчик, веди к людям», –
проскулила я, полагаясь на чудо. И оно пришло, собака тро-
нулась с места. Ветки рвали мою одежду и кожу, легкие го-
рели огнем, но мне было плевать, инстинкт самосохранения
брал свое, ведь жаждущий крови зверь не знает усталости.
Наконец я услышала трубу, ее зов придал мне сил – спасе-
ние близко, нужно лишь вопреки всему поднажать! И мне
удалось заставить сведенные мышцы совершить последний
рывок. Но, залетев в поселок, к своему ужасу, я уткнулась
в закрытые ворота убежища. «Впустите, он еще далеко, умо-
ляю!» Однако металлические ставни, испещренные следами
когтей и могучих ударов, не шелохнулись. Верный Бим, не
желая бросать хозяйку, рычал, глядя в лес, готовясь к своей
последней схватке, шум приближающейся твари становился

все невыносимее, с дуновением ветра я уже почувствовала мерзкий запах гнили и разложения. И тут мне снова улыбнулась удача. С дозорной башни, что возвышалась из основания капитального строения, бросили канат. Схватив собаку, я вцепилась в веревку, чувствуя приближение неведомого. Сверху с силой потянули, и, предвкушая грядущее спасение, я поддалась такой неотъемлемой человеческой черте, как любопытство, и обернулась, желая взглянуть на преследователя. Увидела его во плоти – и сомнений не осталось: гадина не есть творение природы. Нечто, немного напоминающее паука, только не с восемью, а с девятью лапами, увешанными шипами и острыми когтями на концах. Брюха ни тогда, ни потом я не заметила, существо не плело паутину, из спины чудовища торчало бесчисленное количество щупалец, хаотично разведывающих пространство. Голова, как и глаза, отсутствовала, в самом туловище зияла треугольная пасть, унизанная несколькими рядами кривых зубов, по бокам ее окаймляли мощные жвала. Тело мерзости покрывало что-то вроде маленьких волосков наподобие поросычьей шерстки, густо измазанной слизью. Позже мне, к сожалению, довелось наблюдать, как оно нападает на жертву. Щупальца обвивают добычу, крепко удерживая ее крючковидными костяными наростами и присосками, затем приподнимают над землей, девятой лапой монстр пробивает грудную клетку, после чего начинает кормиться, шинкуя жвалами плоть павшего. Тогда же, держась за трос последним усилием воли, я уви-

дела, кого опередила в смертельной гонке, запаниковала и могла лишь истошно вопить: «Тяните меня быстрее, пожалуйста, быстрее!». А чудовище в яростном иступлении от ускользнувшей добычи визжало и тщетно пыталось вскарабкаться на гладкую стену Убежища. Когда я оказалась внутри, меня трясло от страха, а староста, вместо того чтобы успокоить, влепил пощечину. И правильно сделал, в тот день я привела волка к агнцам.

Знаю, сложно поверить моим строкам, но в них истина. Поселок называется Никольское – да, не самое редкое название, но рядом с ним располагается заброшенный урановый рудник, о котором обязательно остались какие-нибудь документы. По обрывкам старых газет я узнала, что в советское время его переименовали в Красный Горняк, поищи его следы в архивах, так ты сможешь определить наше местоположение. А пока постараемся выжить. Нас осталось девятнадцать, все пришлые, коренных давно пожрало существо. С едой и водой проблем нет, питаемся с небольшого поля и огородов, работает колодец, есть свой курятник в здании Убежища, пара кошек и выводок певчих дроздов. Они раньше всех чувствуют приближение чудовища, даже лучше Бима, но зато собаку всегда берем с собой в поле, где уже он опережает своих коллег из дозорной башни. Он очень умный пес, и ты, вероятно, догадываешься: если я отпустила его от себя, случилось нечто экстраординарное. Так оно и есть. Судя по надписям на стенах, здесь жило не одно поко-

ление людей, поддерживая крепость в должном состоянии, однако время и частые атаки делают свое дело – она разрушается, и у нас не осталось материалов починить ее. Сейчас обходимся всем, что попадется, запаса прочности хватит на месяц, может, два от силы, а дальше – гибель, нам больше нигде будет укрыться, тварь учует нас и пожрет одного за другим.

Любимый, я не дура и понимаю, что шансы у Бима доставить письмо близки к нулю, но он моя, нет, наша последняя надежда, и, если ты читаешь нацарапанные огрызком карандаша строки, значит, ему удалось. Он же и главное доказательство подлинности сообщения. Собаки удивительные животные, накорми и приласкай его, этот пес заслужил куда больше, чем многие из прямоходящих.

Я всегда кичилась своей самостоятельностью, но сейчас от всего сердца прошу: Сеня, любимый, спаси нас, предай огласке мою пропажу, направь к нам вооруженную до зубов спасательную команду. Всей душой заклинаю тебя – сделай все, что в твоих силах, и даже больше. С любовью, твоя жена Ира.

К письму прилагаю составленные общими усилиями примерные координаты на случай, если архив не даст плодов; а также список моих друзей и товарищей по общей беде, они также должны числиться пропавшими без вести. Передай, пожалуйста, их родным весточку, пусть не теряют надежду, мы обязательно вернемся. Многократно целую тебя, мой ми-

лый».

– Смотрите, девочки, кого я нашла.

В пещере, исчерченной загадочными символами, увешанной всевозможными травами и засушенными частями животных, при тусклом свете свечей за большим круглым столом в окружении склянок со странным содержимым сидели одетые по последнему писку моды красивые девушки, катастрофически диссонируя с окружающей обстановкой.

– Фу, Тома, зачем ты притащила сюда дохлую шавку? Да еще и платье испачкала.

– Плевать, куплю новое. Кобель жив, хоть его и задел Идол.

– И что, теперь каждого подранка тянуть сюда будешь? – язвительно заметила другая дама.

– Заткнись, Эля, к ошейнику собаки привязано письмо.

– Вот это другой разговор, предлагаешь поиграть?

– Именно. К тому же необходима свежая кровь, вскоре Он доломает дверь, и нужны будут новые жертвенные бараны, одной строительной бригады все же будет маловато.

– Значит, кто-то просит в нем о помощи?

– Да, та туристка, которую мы подтолкнули два года назад.

– Ира, по-моему.

– Какая, к черту, разница, как ее зовут? Главное, она про-

сит своего муженька о спасении.

– Тамар, а ты не боишься, что ей поверят и сюда придут подобные тем, что когда-то почти уничтожили наш ковен?

– Брось, те скверные события произошли полторы сотни лет назад, в мире не осталось волшебства, никто не поверит.

– Пока есть наш ведовской круг и Он, колдовство останется в природе бренного бытия, – властно произнесла сестра, что наблюдала за разговором, укрывшись в тени дальнего угла пещеры.

– И вместе с ними наше бессмертие. Правда, подпитываемое страданиями других. Эх, что поделать, всем не угодить.

Ведьмы разразились дружным смехом.

– Аня, подлатай его и внуши путь, сам он не найдет дорогу.

– Арсений Дмитриевич. – Следователь отвел взгляд от письма. – Конечно, написано неплохо, местами захватывающе, и не хотелось бы вас разочаровывать, но вы стали жертвой чей-то искусной и вместе с тем гнусной мистификации. У вас есть враги? Не ссорились ли с кем в последнее время?

– Подделка? Нет. Я абсолютно уверен, это ее почерк, и собака, ожидающая меня дома, – Бим.

– Иногда разум выдает желаемое за действительное. Представьте, как смогло животное после не одного года отсут-

ствия выследить вас прямо до квартиры, преодолев не менее двухсот верст? Подумайте хорошенько.

– Не знаю, исходя из слов моей жены, не самая большая странность.

– Давайте сделаем паузу. Обмозгуйте, переспите с мыслью, отойдите от эмоций, и послезавтра к вернемся к разговору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.